

Параметры порядка слов и морфологического маркирования и их конкуренция
Герасимова Анастасия Алексеевна, МГУ
Гращенко Павел Валерьевич, МГУ

На основании «входных» языковых данных дети усваивают грамматику, «сходясь» на грамматике предыдущего поколения или изменяя ее. В грамматике переходных клауз реализуются два параметра: морфологического маркирования объекта и порядка слов.

Русский язык способен разрешать грамматическую омонимию при помощи морфологии. В русском есть неомонимичные показатели номинатива (*собак-а*) или аккузатива (*кочерг-у*); но трактовка SVO или OVS потенциально допустима для любых предложений:

(1) *Рысь видит мышь.*

Морфологически и синтаксически омонимичный инпут затрудняет усвоение «верных» грамматических конструкций. Однако корпус лонгитюдных исследований детской речи CHILDES содержит данные усваивавших русский язык детей, на основании которых можно утверждать, что уже в течении первого полугодия активного речепроизводства дети начинают: i) практически безошибочно употреблять форму аккузатива; ii) использовать соотношение OV|VO порядков, похожее на таковое в разговорной речи взрослых.

Согласно (Сиротинина 1965) препозиция объекта в русской речи допускается примерно в 20-30% случаев, но может достигать и 80%; (Bailyn 2011:249) определяет конкуренцию порядков SVO и OVS как 79% и 11% соответственно. Несмотря на количественное доминирование VO структур и избыточную морфологическую омонимию, в русском и многих других языках, располагающих «морфологическим ключом», дети в возрасте 2-3 лет уже демонстрируют значимую релевантность морфологии при определении роли участников, (Dittmar 2009), (Miyata 2008), (Sauermann & Gagarina 2016) и др.

Пример (2) отличается от (1) тем, что в нем нет морфологической омонимии, т.е. связь между прямым объектом и аккузативом представлена в явном виде:

(2) *Маша ела булку.*

Примеры типа (3) являются промежуточным случаем, когда омонимичен лишь субъект:

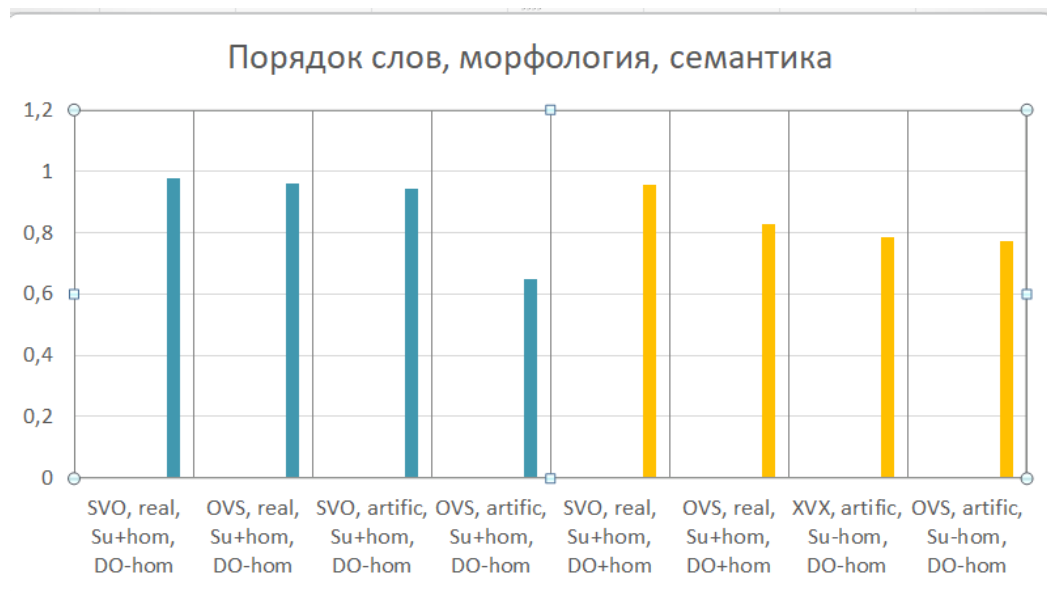
(3) *Мышь ест булку.*

(2) и (3) в отличие от (1) не омонимичны, однако даже такие предложения могут окказионально анализироваться носителями ошибочно. Тем более это касается случаев псевдослов типа (4), когда нет доступа к семантике:

(4) *Мошу ела кось.*

Нами были исследованы факторы, которыми руководствуются взрослые носители при выборе того или иного варианта парсинга в условиях ограниченного времени. Ограничение времени давало возможность устанавливать первую реакцию, не предполагающую репарсинга. В (5) представлены результаты для разных комбинаций порядка слов, морфологической омонимии и семантики (реальное/искусственное имя).

(5)

Основные результаты исследований таковы: i) для любой комбинации рассмотренных значений параметров ответы носителей существенно неслучайны; ii) в отсутствии семантической поддержки и при инвертированом порядке слов морфологический параметр может решать задачу определения участников (4-й синий и 4-й оранжевый столбцы); iii) если нет семантических и грамматических маркеров, с вероятностью около 0,8 выбирается порядок SVO.

Другие результаты исследования будут обсуждены в докладе.

Источники:

- Сиротинина, О.Б. 2003 (1965) Порядок слов в русском языке. Серия: Лингвистическое наследие XX века. УРСС, Москва, 2003 г.
- Bailyn, J. F. 2011. *The Syntax of Russian*. Cambridge University Press.
- CHILDES Russian: <https://chilDES.talkbank.org/access/Slavic/>
- Dittmar, M. 2009. *Acquiring the transitive construction. The development of understanding word order and case marking cues*. PhD dissertation, Berlin, 2009.
- Miyata, Susanne 2008. *Input Frequency and Case Acquisition in Japanese*. *Journal of Medical Welfare*, 2008 4. pp. 108-117
- Sauermann, Antje & Barbara Höhle. 2016. *Impact of context and type of referring expression on sentence comprehension in German-speaking children*. In Laurel Perkins, Rachel Dudley, Juliana Gerard & Kasia Hitczenko (eds.), *Proceedings of the 6th Conference on Generative Approaches to Language Acquisition North America (GALANA 2015)*, 90–101. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project